ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. М. Герасимов, *Основы восстановления лица по черепу*. Государственное издательство «Советская наука», Москва, 1949, стр. 187, 108 рис.

Нет сомнения, что капитальный труд М. М. Герасимова, посвященный сложной, но благодарной задаче портретной реконструкции человеческого лица по черепу, будет с большим интересом прочитан самыми широкими кругами советских читателей. Особое значение труд этот имеет для анатомов и антропологов, для этнографов и археологов, для музейных и судебно-медицинских работников, одним словом, для всех, кому приходится в исследовательской или практической деятельности сталкиваться с вопросом о связи между костной основой человеческого тела и особенностями его мягких покровных частей, в частности тонких физиономических черт, обладающих столь резко выраженной изменчивостью: половой, возрастной, профессиональной, территориальной, антропологической и, наконец, индивидуальной. М. М. Герасимов работает над проблемой портретной реконструкции лица свыше 20 лет. За это время им обработан огромный костный и трупный материал, создана и многократно проверена методика воспроизведения лица по черепу, осуществлен ряд контрольных опытов, давших очень хорошие результаты, выполнено свыше 70 скульптурных бюстов ископаемых людей, различных исторических деятелей и некоторых других лиц. Скульптуры М. М. Герасимова украшают залы многих музеев в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Горьком и других городах СССР. В специальных антропологических и археологических работах нередко можно встретить снимки с герасимовских реконструкций, дающие наглядное представление об антропологическом типе древних племен и народов. Поскольку в деле восстановления индивидуальных особенностей лица по черепу М. М. Герасимов, в сущности говоря, не имеет предшественников и выступает как подлинный новатор в науке, разработанные им приемы реконструкции следует с полным правом рассматривать как выдающееся научное открытие, которые заслуживает самого пристального внимания со стороны советских ученых, работающих над вопросами этногенеза и истории антропологического состава народов СССР и зарубежных стран. Вполне закономерен, естественно, и разбор книги М. М. Герасимова на страницах «Советской этнографии».

В кратком введении (стр. 3—6) автор рецензируемого труда справедливо указывает, что все делавшиеся до него попытки реконструкции лица по черепу ограничивались воспроизведением типового, а не индивидуального портрета. С этой задачи начинал и сам автор. Только после многих лет упорной работы он «убедился, что путем максимального уточнения методики и объективного построения лица по черепу можно подойти к проблеме портретной реконструкции» (стр. 5). На место «усредненного», а следовательно, всегда в той или иной степени абстрактного портрета встал портрет индивидуализированный, дающий наибольшее приближение к оригиналу, воспроизводящий живой облик того реального лица, которому принадлежал изучаемый череп. Самый процесс создания скульптурной портретной реконструкции делится М. М. Герасимовым на четыре этапа: анатомо-антропологический анализ черепа, графическое разрешение реконструкции, скульптурное воспроизведение схемы головы, завершение работы над бюстом с учетом исторических данных в костюме и прическе (стр. 5—6). Следует полностью согласиться с автором, что сами по себе реконструкции лица по черепу не являются самоцелью. Это только «один из способов иллюстративной диагностики палеоантропологического материала, в результате которого костный материал дополнительно приобретает выразительность и наглядность живого человека» (там же). Значение работ М. М. Герасимова для археологии и исторической этнографии выражено в цитированной фразе очень четко.

Первая глава разбираемой книги носит название «Материалы к созданию метода реконструкции лица по черепу» (стр. 7—58). Глава эта имеет по преимуществу методический характер. Дав краткий критический обзор различных приемов восстановления лица по черепу, предлагавшихся зарубежными исследователями, автор справедливо видит основной дефект этих приемов в том, что они, как правило, базировались на статистической обработке ранее собранного цифрового материала по толщине мягких покровов без учета индивидуальных особенностей костного рельефа реконструируемого объекта (стр. 10). В действительности же толщина мягких покровов на различных участках головы находится в тесной связи с индивидуальными чертами каждого черепа. Тщательное изучение этих черт является необходимой предпосылкой для создания портретной реконструкции. Такое изучение, проведенное как обычным краниометрическим и краниоскопическим путем, так и при помощи специальных графических и рентгенографических приемов, разработанных автором, позволяет в каждом отдельном случае установить индивидуальные особенности строения мягких частей лица: носа, глазной области, губ, подбородка и даже уха (стр. 26—46). Контрольные опыты, осуществленные М. М. Герасимовым в Лефортовском морге, в Музее антропологии Московского государственного университета, в Антропологическом отделе Института этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде и в других научных учреждениях, подтвердили правильность и целесообразность разработанных приемов реконструкции (стр. 48—51). Большой интерес с этой точки зрения представляют работы автора по восстановлению облика лица Марии

Достоевской (матери Ф. М. Достоевского), а также реконструкции, выполненные по заданиям следственных и судебных органов и способствовавшие раскрытию уголовных преступлений (стр. 52—57). Последней работой автора, выполненной в целях идентификации личности, явилась портретная скульптура Александра Б.— молодого бойца, погибшего в боях под Москвой в 1942 г. (стр. 57—58).

Для этнографов, археологов и антропологов наибольший интерес представляет, несомненно, вторая глава рецензируемой книги: «Опыт создания галлереи портретов, иллюстрирующих расогенез и этногенез» (стр. 59—139). Здесь подробно описаны скульптурные реконструкции шимпанзе, австралопитека, питекантропа и синантропов, неандертальцев и представителей различных рас людей современного вида (Homo sapiens), распространенных на территории СССР и зарубежной Европы в разные исторические эпохи, начиная от верхнего палеолита и кончая средними веками. Реконструкции эти следует рассматривать не только как иллюстрации, оживляющие и дополняющие палеоантропологические и археологические работы, но и как своеобразные вещественные источники, близкие к документальным и допускающие плодотворные сопоставления между собой и с аналогичными материалами по современному населению (бюсты, маски, фото и др.). Благодаря скульптурным портретам М. М. Герасимова советские ученые впервые получили ясное и наглядное представление о строении мягких частей лица древнейших гоминид и более близких к нашему времени антропологических типов, входивших в состав различных племен и народов, некогда живших на бескрайних просторах нашей Родины и в соседних с ней странах. Не боясь впасть в преувеличение, можно смело утверждать, что герасимовские реконструкции немало способствовали и еще больше будут способствовать разработке таких важных антропологических и исторических проблем, как вопросы о морфологии лицевой мускулатуры и кожных покровов обезьяно-людей и неандертальцев, о переходных звеньях между различными стадиями эволюции человека, о расовой принадлежности древнейшего населения СССР и путях первоначального заселения его территории людьми, об эпохальной изменчивости антропологических признаков, о смешении между европеоидами и монголоидами на севере Восточной Европы, в Сибири и в Средней Азии, о преемственности антропологических типов, локализованных на одной территории в различные исторические эпохи.

В настоящей рецензии невозможно, конечно, не только осветить, но и просто перечислить научные проблемы, так или иначе связанные с палеоантропологическими материалами, использованными М. М. Герасимовым для его реконструкций. Для широких кругов советских читателей особый интерес представляют успешно выполненные работы по воспроизведению образа мальчика-неандертальца, череп и части скелета которого были обнаружены в 1938 г. в пещере Тешик-Таш в южном Узбекистане (стр. 66—74). Большой выразительностью отличаются также реконструкции верхнепалеолитических и мезолитических людей из Пшедмоста, Оберкасселя и грота Мурзак-Коба — в Крыму (стр. 74—79). Сравнение этих реконструкций между собой наглядно убеждает в принадлежности их всех к одному и тому же европеоидному,— «кроманьонскому» в широком смысле слова,— антропологическому типу, претерпевшему на протяжении многих тысячелетий древнего и среднего каменного века ряд изменений в строении лицевого скелета и мягких частей лица. Среди реконструированных М. М. Герасимовым людей неолитического и энеолитического периодов очень отчетливо выделяются монголоидные и европеоидные типы, а также разнообразные продукты смешения между ними. К первым принадлежит человек из Хапцагая на реке Лене, антропологически близкий байкальским эвенкам (стр. 79—80); ко вторым — люди Сурского острова на Днепре, черепа которых были найдены в 1946 г. (стр. 81—87;; к третьим — смешанные типы из могильников на Оленьем острове (Онежское озеро) и в Караваихе (стр. 87—89). Исключительно интересны результаты восстановления облика лица женщины из Гавриловской неолитической стоянки Горьковской области (стр. 90—91). С полной отчетливостью здесь выявился целый комплекс своеобразных «негроидных» особенностей, свидетельствующих, вероятно, о южных связях носителей балахнинской культуры (альвеолярный прогнатизм, широкий нос, утолщенные губы и др.). Сосуществование на смежных территориях и интенсивное смешение европеоидных и монголоидных антропологических типов (а может быть и комплексов южного тяготения с негроидными чертами) хорошо прослеживается по реконструкциям М. М. Герасимова и для более позднего времени: периодов бронзы и железа, античности и средневековья (стр. 91 и сл.). К этим историческим эпохам относятся скульптурные портреты людей фатьяновской, абашевской, андроновской, карасукской, катсекомбной, срубной и ананьинской культур (стр. 93—107), воина Урарту IX—VIII вв. до н. э. (стр. 107—111), мужчин и женщин из Мцхетского могильника в Грузии (стр. 112—114), скифа из курганной группы «Сирко» из Никополя (стр. 115—118), гунна I века н. э. из Кенкольского могильника в Семиречье (стр. 118—120), кангюйки I—II столетий н. э. из кургана близ Ташкента (стр. 120—123), людей Ширинсайского могильника III—IV вв. (Узбекистан; стр. 123—129), согдийца из Сарыга в Киргизии (стр. 129—132), древних хорезмийцев (стр. 133—135), славян и половцев из Саркела на Дону (стр. 135—137) и др. Уже перечень этих реконструкций говорит об их большом антропологическом и историческом интересе. Многие этногенетические выводы советских ученых, относящиеся к различным

народам нашей страны, прекрасно иллюстрируются, дополняются и подтверждаются указанными работами М. М. Герасимова.

Последняя (третья) глава рецензируемой книги посвящена реконструкции облика исторических лиц (стр. 140—182). Исключительно на краниологической основе, без использования каких-либо живописных изображений (в большинстве случаев отсутствовавших), М. М. Герасимовым созданы портретные бюсты Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура, его сыновей Шахруха и Мироншаха, внуков — Улугбека и Мухамед-султана, неизвестной по имени княжны — узбечки XV в. из мавзолея Биби-ханум и, наконец, адмирала Ф. Ф. Ушакова. Применение при этих, особо ответственных, реконструкциях точной методики, тщательно проверенной на предшествующих работах, дает уверенность, что облик исторических деятелей, воспроизведенный М. М. Герасимовым, очень близок к реально существовавшему. Надо, конечно, иметь в виду, что при восстановлении этого облика большое значение имеет работа над особенностями волосяного покрова, прически, головного убора и костюма. Все эти моменты разрешаются М. М. Герасимовым на основании историко-археологических данных в процессе консультаций с соответствующими специалистами. В отдельных случаях оказалась возможной дополнительная проверка по сохранившимся изображениям. Так, например, восстановленный по черепу физиономический облик Ярослава Мудрого поразительно сходен с портретом на старинной фреске Софийского собора в Киеве, обнаруженной только в 1941 г. спустя много времени после окончания реконструкции и с большой долей вероятности приписываемой этому князю (стр. 144). Несомненно также сходство между скульптурным бюстом Ф. Ф. Ушакова и дошедшим до нас единственным его портретом, написанном, впрочем, в условной манере начала XIX в. (стр. 180).

М. М. Герасимову предстоит еще большая работа по уточнению и усовершенствованию методики восстановления лица по черепу, по проверке уже достигнутых результатов. Не все детали строения мягких лицевых частей могут быть воспроизведены с одинаковой степенью точности и достоверности. Некоторые черты реконструкций в той или иной степени неизбежно оказываются спорными, основанными на историко-бытовых данных, а частично и на творческой фантазии автора. Однако фантазия эта представляется нам вполне закономерной, поскольку она отнюдь не противоречит антропологическим и историческим материалам, но лишь дополняет их, придает им бо́льшую живость и наглядность.

Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

Л. А. Евтюхова, *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, 1948.

Еще сравнительно недавно Сибирь в археологическом отношении являлась малоизученной областью. Нельзя было и говорить о создании каких-либо обобщающих работ. Большие исследования, проведенные в советское время представителями местных и центральных научных учреждений, в числе которых автору рецензируемой работы принадлежит одно из первых мест, накопили огромный материал. Рецензируемая работа и посвящена в основном систематизации и историческому определению изученных археологических памятников, без чего они не могут быть использованы в качестве исторических источников.

Работа состоит из введения и двух частей, распадающихся на ряд разделов. Введение содержит краткую географическую характеристику края; в нем отмечены основные этапы истории кыргызов этого периода, освещен вопрос о формировании физического типа и дан краткий перечень соседних племен.

Первая часть, посвященная разбору основного материала по истории кыргызов — курганам и кладам, открывается анализом погребального обряда таштыкского и кыргызского времени, который устанавливает генетическую связь между этими культурами. Автор отмечает в числе связующих звеньев общий для обеих культур обряд сожжения, покрытие наката над могилой слоями березовой коры, возведение курганной насыпи из обломков скалы. Эта же связь устанавливается и по погребальному реквизиту. Автор выделил группу курганов переходного времени к кыргызской эпохе и дал краткий хронологический перечень кыргызских погребений. Следующий, второй раздел посвящен первому типу погребений. Он содержит характеристику небольших курганов с одной-двумя могильными ямами, покрытыми настилами, и могильного инвентаря, в числе вещей которого особого внимания заслуживает китайская лаковая чашечка из Уйбатского Чаатаса. Третий раздел дает характеристику второго типа погребений, отнесенных автором к погребениям кыргызской знати. Детально описаны 5 групп Чаатасов, в числе которых особо ценные материалы получены раскопками Уйбатского и Копенского Чаатасов. Автор особо выделил тайники, честь открытия которых принадлежит ему, сосуды и рельефы, найденные в тайниках кургана № 2 Копенского Чаатаса. В следующем разделе содержится